

УДК 39
ББК 63.5

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИИ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ТЕЛЕУТЫ И ЭТНОГРАФЫ

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БАТЬЯНОВА

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация,
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

Аннотация. В статье анализируются традиции взаимоотношений между этнографами и их информантами, представляющими коренные народы Южной Сибири. Прослежено, как эти традиции формировались и развивались начиная с XVIII в. Подчеркнуто определяющее влияние на их характер Алтайской духовной миссии, а также выдающихся этнографов XIX — начала XX в., столпов полевой этнографии Южной Сибири: В. И. Вербицкого, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, А. В. Анохина. Обращено внимание на взаимодействие миссионеров и этнографов, на их гуманитарное и научное сотрудничество в общении с коренным населением. Подробно рассмотрена специфика отношений этнографов с одним из малочисленных тюркских народов Сибири — телеутами. Отмечено, что эти отношения всегда основывались на взаимоуважении и взаимодоверии. Приведены примеры того, как в годы государственной антирелигиозной кампании 1920–1930-х гг. телеутские шаманы и шаманисты искали и нередко находили защиту и поддержку у этнографов. Упоминаются случаи нарушения исследователями телеутских сакральных традиций. Обращено внимание на специфику сибирской полевой этнографии в постсоветское время. В качестве источников при подготовке статьи использованы, помимо литературы, архивные документы и полевые материалы автора, собранные за время более чем 20 экспедиционных поездок к телеутам и другим южносибирским народам.

Ключевые слова: Южная Сибирь, миссионеры, этнографы, В. И. Вербицкий, Г. Н. Потанин, А. В. Анохин, Л. П. Потапов, телеуты.

Статья подготовлена в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ П. 220 № 14.Y26.31.0014).

Дата поступления статьи: 20 января 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Батьянова Е. П. Из истории полевой этнографии юга Западной Сибири: телеуты и этнографы // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 2. С. 123–130.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.010

Начало полевой этнографии юга Западной Сибири связано с исследованиями участников Великой Северной экспедиции (1733–1743): В. Г. Миллера, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова и др.

Дневники этих ученых передают их впечатления от посещения мест проживания различных южносибирских народов. Этнографические сведения об этих народах содержатся и в более поздних работах

исследователей XVIII в.: П. С. Палласа, И. Г. Георги и др. Таким образом, уже в XVIII в. формировались нормы взаимоотношений этнографов и коренных жителей Южной Сибири.

В XIX в. на становление и развитие этих норм заметное влияние оказала Алтайская духовная миссия, основанная в 1830 г. и известная как наиболее успешная из всех православных миссий Сибири. Деятельность Алтайской миссии не ограничивалась распространением среди «инородцев» христианского учения, но включала открытие школ, библиотек, создание алтайской письменности на основе телеутского¹ диалекта, издание книг на алтайском языке, организацию медицинского обслуживания «инородцев». В телеутском улусе Челухоевский миссионеры открыли библиотеку, насчитывавшую в начале XX в. около 300 книг.

Некоторые из алтайских миссионеров успешно занимались этнографией. Так, Василий Иванович Вербицкий, почти 40 лет (1853–1890) прослуживший миссионером на Алтае, был членом Русского географического общества, автором многих научных трудов. Собрание его основных публикаций составило одну из лучших книг по сибирской этнографии XIX в. [Вербицкий 1893].

О направлениях гуманитарной деятельности алтайских миссионеров во благо «инородцев» можно судить по их дневникам и письмам, о чем свидетельствует, например, следующая весьма информативная запись: «Келья моя ежедневно представляет приемную врача, аптеку, лавку, где товар не продается, а даром дается, житницу и, наконец, камеру мирового судьи» [Из писем 1883, 50].

Этнографы, приезжавшие на Алтай и в прилегающие регионы, обычно обращались за консультацией и помощью к миссионерам. Характер взаимоотношений этнографов и миссионеров,

сотрудничество между ними ярко иллюстрирует их переписка. Приведу отрывок из письма В. И. Вербицкого В. В. Радлову — выдающемуся российскому тюркологу, многие годы изучавшему языки и культуры алтайских народов:

«Милостивый государь, Василий Васильевич!

<...> Мне известно, что Вы в настоящее время трудитесь над обширным сочинением — Сравнительным Словарем Тюркских разноплеменностей², поэтому имею честь покорнейше просить принять от меня прилагаемую в холицовом тюке 1-ю ч. и моей работы по Алтайскому языку³. Имея в виду Ваше обширное ученое сочинение, мне, может быть, следовало приостановить свой мизерный труд. Но с другой стороны, смотря на громадные пароходы на больших реках, вижу между ними и утлые лодочки. И те и другие исполняют свое дело по своим силам, да и вообще в природе не все большое, но много и малого, но гармония не нарушается.

За издание образцов простонародной литературы Тюркских племен⁴ приношу душевную искреннюю благодарность. Важности и значения этого издания, на которое израсходовано столько труда и знания, не может не ценить тот, кто хотя мало знакомится с языком разбросанных на больших пространствах земного шара тюркских племен.

Для сравнительной части мне нужно бы иметь образцы якутского языка. Если у Вас, Василий Васильевич, есть что-нибудь по этому предмету в русской транскрипции, то покорнейше прошу одолжить на время или указать, где что взять.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугой.

Протоиерей Василий Вербицкий. 1 марта 1888 г., г. Бийск» [СПбФ АРАН 2].

В заботах об аборигенах Сибири этнографы стремились не отставать от

¹ *Телеуты* — один из малочисленных народов Южной Сибири, близкий по происхождению и культуре алтайцам. В настоящее время проживают в Кемеровской области, Алтайском крае, Республике Алтай и насчитывают около 2650 человек.

² Имеется в виду объемное издание «Опыт словаря тюркских наречий», первый том которого был опубликован в 1888 г. [Радлов 1888].

³ На эту работу В. И. Вербицкого, опубликованную в 1889 г., В. В. Радлов написал рецензию [Радлов 1889].

⁴ Имеется в виду многотомный труд В. В. Радлова «Наречия тюркских племен», начавший издаваться в 1866 г. [Радлов 1866].

миссионеров. Так, в числе учредителей Общества защиты вымиравших инородцев, организованного в Санкт-Петербурге, были известный исследователь Центральной Азии, географ, этнограф, фольклорист Г.Н. Потанин, этнограф и юрист М.А. Кроль, историк и географ П.М. Головачев, этнограф П.Е. Кулаков. Первое частное собрание учредителей состоялось в 1898 г. Предполагалось, что Общество «будет заводить в инородческих районах больницы, лечебницы, школы, магазины, ссудные кассы, будет издавать книги для инородцев, снаряжать экспедиции» [Мендельсон 1986, 308]. К сожалению, устав Общества был отвергнут правительством и оно не было утверждено.

Принципы взаимоотношений этнографов и «инородцев» были основаны на доверии и взаимном уважении. Вот как характеризует отношение Григория Николаевича Потанина к представителям коренных сибирских народов его современник — этнограф и филолог Н.М. Мендельсон: «При огромном интересе Потанина к азиатскому Востоку живые его представители, сибирские инородцы были предметом постоянных дум, бесед и писаний его. Я не раз видел Григория Николаевича в общении с инородцами, и меня всегда поражала его исключительная деликатность, душевная чуткость в обращении с ними. Ничего деланого, слащавого, тем более снисходительного. Общались равный с равным... Когда судьба заносила какого-нибудь инородца-сибиряка в жажде знания или по делам сородичей в Петербург, Григорий Николаевич в буквальном смысле слова делался его нянькой <...> Он <...> знакомил гостя с молодежью, сам водил по музеям, картинным галереям, показывал город, устраивал прием у нужных людей. Случалось этим друзьям ехать в Москву, — он непременно снабжал их письмами к наиболее близким ему членам московской сибирской колонии <...> Такие люди, — заканчивал он одно подобное письмо, — имеют особое право на наше участие и ласку» [Мендельсон 1986, 307–308].

В архиве Г.Н. Потанина (находится в библиотеке Томского государственного университета) сохранилась его переписка с телеутом Георгием Токмашевым,

который под влиянием этого выдающегося ученого и при его поддержке выучился, стал этнографом и впоследствии политическим деятелем⁵.

В судьбе Г.М. Токмашева большую роль сыграл и другой известный исследователь культуры алтайских народов — этнограф и композитор Андрей Викторович Анохин, который пользовался у «инородцев» высочайшим авторитетом. Одно упоминание имени Анохина в разговоре с «алтайскими инородцами» было для этнографов 1920-х — начала 1930-х гг. способом сближения с ними. Вот выдержка из письма ученика А.В. Анохина Григория Лепехина, работавшего учителем в одном из селений степного Алтая, своему наставнику: «В Крещение, когда в моей воспитательной Озерной была пятидневная гульба по случаю “престола”, ко мне совершенно случайно попали в гости нужные мне татары (телеуты. — Е. Б.). Сначала наше знакомство было довольно-таки “официальным”; дружеского было весьма мало. Затем я разговорился с ними и сказал, что был на Алтае <...> с Анохиным <...> При упоминании Вашего имени чумыш — кјжј (одно из самоназваний местных телеутов. — Е. Б.) стали со мной откровенными, сказали, что Анохина они знают, что “Анохин весь Алтай проехал, всех татар знает”. Сейчас же на столе появилась бутылка очищенной. “Ты нам теперь родной стал, — выпей, Гриша...” Мы настолько сошлись, что при прощании пришлось перецеловаться» [Архив НМРА 1].

К Анохину телеуты обращались за помощью и разъяснениями по самым разным вопросам, в том числе по вопросам правовым. Упоминание об этом есть в одном из писем Григория Лепехина Андрею Викторовичу: «Между прочим, они (телеуты. — Е. Б.) просили написать Вам, вернее, спросить Вас, могут ли их брать в армию. Вот, например, Семена Кайрюкова (сеок (род. — Е. Б.) чизган) брали на допризывную подготовку и теперь хотят взять. Правильно ли это?.. “Мы, ведь, Гриша, темные, ничего не знаем”» [Архив НМРА 2].

Примечательно, что образ А.В. Анохина ассоциировался у телеутов с образом мифологического героя, мессии-прародителя Шуню. Известно, что по прибытии Анохина в 1915 г. в одно из телеутских селений

⁵ О Г.М. Токмашеве см.: [Батъянова, Рюмина 2003].

местные жители приняли его за вернувшегося к ним Шуню. Толпа жителей селения вышла навстречу Андрею Викторовичу, старейшина преподнес ему овечку и приветствовал словами: «Ты — наш золотой Шуню, мы тебя узнали. Ты пришел за нами, скажи, что нам делать. Бросать всё и следовать за тобой?» [Архив МАЭ 3. Л. 23].

Среди стариков-телеутов до сих пор бытуют рассказы о том, как во времена молодости их дедов или отцов ходил по деревням человек, который интересовался здешними обычаями и обрядами. И, по убеждению многих, это конечно же был Шуню, который «проверял, помнят ли телеуты свои обычаи» [ПМА 1980, 1982, 2012 и др.].

Особый характер носили взаимоотношения этнографов и миссионеров с алтайскими и телеутскими шаманами. Вдореволюционное время и те и другие относились к шаманам весьма терпимо. «Язычника-инородца объединяют бесчисленные связи с его национальной религией: его обстановка, его жизнь, личная, семейная и общественная — всё напоминает ему старую веру <...> На стороне этих заблуждений находится долговременная личная его привычка и многовековое предание», — писал миссионер С. А. Ивановский [Ивановский 1895, 318].

Само явление шаманизма вызывало и у этнографов, и у части миссионеров научный интерес. Исследователи видели в шаманстве культурный феномен, который следует тщательно изучать в системах традиционного мировоззрения и фольклора. Телеутские шаманы по инициативе Г. Н. Потанина неоднократно приезжали в Томск, где на различных культурных мероприятиях демонстрировали свои камлания.

В первые десятилетия XX в. традиции толерантности по отношению к шаманству были существенно нарушены. До октябрьских событий 1917 г. эти нарушения исходили нередко от священнослужителей «инородческого» местного происхождения, которые особенно усердно старались отлучить своих соплеменников от традиционной веры. А. В. Анохин рассказывает в своем дневнике 1913 г., как в селении Протока, где проживали шорцы и телеуты, он встретил батюшку (из «инородцев») о. Иоанна, который передал ему для музея шаманский бубен и рассказал, что он отнял

этот бубен у шамана во время камлания. При этом «на батюшку накинулись инородцы человек 10 и вырвали из его рук бубен. Батюшка, ударив бубен ногой, сказал: “Пусть не достанется ни мне, ни вам”. Бубен лопнул» [Архив МАЭ 1. Л. 28об.—29].

В первые годы после Октябрьской революции на Церковь обрушились репрессии, в то время как шаманы особым гонениям не подвергались. Но в конце 1920-х гг. осуждениям и притеснениям подверглись не только шаманы, но и в какой-то степени этнографы, которые изучали шаманизм. В алтайском регионе это более всего коснулось А. В. Анохина. Вот запись из дневника этнографа А. Г. Данилина 1928 г.: «Анохин здесь (в Горном Алтае. — Е. Б.) не пользуется популярностью: вчера в местной газете была статья, в коей высмеивалось его увлечение бурханизмом и шаманизмом. Говорят, что он хочет уезжать обратно, в Барнаул» [СПбФ АРАН 1. Л. 90].

Преследуемые властью шаманы искали защиты у этнографов, о чем неоднократно в дневниках упоминал А. Г. Данилин: «Приехал сюда (в телеутский улус Крутой. — Е. Б.) из Тарабы в гости кам (шаман. — Е. Б.) Семен Абушкин <...> Солидно и вежливо стал нас просить ему помочь. Его как кама притесняют и не позволяют приносить жертвы <...> А он <...> готовится делать очередное камлание <...> Мы сказали, что церковь у нас отделена от государства и никто не имеет права препятствовать <...> Просят нас хлопотать <...> чтобы им разрешили свободно камлатъ» [СПбФ АРАН 1. Л. 158–159об.].

Примечательно, что А. Г. Данилин занимался исследованиями и шаманизма, и бурханизма, но, отмечая в своих полевых дневниках, что работал с шаманами, он предусмотрительно добавлял: «Проводил антирелигиозную пропаганду».

В том, что никто из телеутских шаманов 1920–1930-х гг. не был жестко репрессирован, я вижу заслугу этнографов, которые не ставили своей задачей непримиримую борьбу с шаманством и с шаманами, как это происходило, например, на Чукотке, Камчатке, Амуре и в других регионах Сибири. Слово «шаман» (кам) не стало в телеутской среде уничижительным, в то время как в некоторых других регионах Сибири коренные жители боялись произносить это слово. Телеуты же охотно, с долей гордости рассказывали

и рассказывают о своих шаманах, не испытывая при этом опасений.

Традиции уважительного отношения телеутов к этнографам устойчиво сохранялись в советское время. Когда в 1976 г. я впервые приехала к телеутам, то обратила внимание на то, что многие из них помнят этнографов, работавших здесь в 1920–1940-е гг.: А. В. Анохина, А. Г. Данилина, Л. Э. Каруновскую, Н. П. Дыренкову, Л. П. Потапова и др.

Доверительные обращения телеутов за помощью к этнографам постоянно присутствуют в их письмах 1920–1930-х гг. Вот выдержки из письма телеута Романа Алексеевича Хлопотина А. Г. Данилину: «Благодарю, г. Данилин, что Вы сообщили адрес Анохина, благодарю Вас, что Вы там заботитесь обо мне устройте меня учиться. Андрей Григорьевич, вы мне говорили, что легко меня можно вылечить в городе <...> Мое здоровье очень плохо. Я надеюсь вашим словам, и я должен думать, что люди, такие, как вы, живете для того лишь, чтобы всё было хорошо, для хорошей жизни живете на свете, это и будет мне хорошо, если постараетесь меня вывезти, в Ленинграде вылечить и научить, это хорошо, лучше этого ничего и нет, ничего вылечить и устройте учиться». 2 апреля 1928 г. [Архив МАЭ 1. Л. 55].

Меня удивляло, что люди по простетивии семи-восьми десятков лет помнят какие-то подробности полевого быта этнографов 1920–1930-х гг. Вот о Л. Э. Каруновской и А. Г. Данилине рассказывает бывшая жительница алтайского селения Улус-Черга: «Данилин останавливался у Шабураковых — Александры и Степана Нефедовича. Останавливались сначала у нас. А потом Лидия (Каруновская) у нас жила, а он (Данилин) — у Степана Нефедовича. Дом-то у них у речки большой был, круглый, побольше, чем наш. Я почему-то думала, что они с Лидией муж с женой, но она была старше его. Они были так дружны! Так всегда он к ней обращался!.. Первый год они побольше у нас в Черге жили. А второй — она больше у нас была, а он то уезжал, то возвращался. Видимо, в Усть-Кан ездил. Белую веру (бурханизм. — Е. Б.) искал» (Зап. от Софьи Николаевны Шабураковой, 1918 г. р., г. Горно-Алтайск. Соб. Е. П. Батянова. 2002 г.).

Некоторые устные воспоминания телеутов об этнографах дополняют

биографические портреты известных ученых теплыми и выразительными штрихами. Вот о выдающемся историке и этнографе-алтаеведе Леониде Павловиче Потапове рассказывает телеутка, бывшая аспирантка Новосибирского университета: «На Чемале он останавливался обычно. Там был большой частный дом... Потапов там не один год останавливался, постоянно туда ездил. А мы (участники конференции в Новосибирске) туда приехали... 1970-й год был... Из Новосибирска зафрахтовали машину. Поехали в Горную Шорию, потом — в Горный Алтай. И кто-то из наших алтайских товарищей предложил поехать к Потапову. Мы собрались несколько человек, на машину загрузились и приехали в Чемал. Очень поздно, ночь была на дворе. Темно было абсолютно. Почему-то света не было... Леонид Павлович спичечки зажег, посмотрел на нас так это: “Располагайтесь, завтра будем знакомиться”. Один был. Хозяйюшка приходила только убирать, готовить. Наутро мы проснулись все и общались с Леонидом Павловичем. Помню, он говорил об этимологии слова “акча” (деньги), рассказывал, как он заблудился в происхождении этого слова: привязал его к слову “ок” (стрела). О Туве рассказывал. Очень было интересно с ним» (Зап. от Валентины Тимофеевны Сыркашевой, 1947 г. р., г. Москва. Зап. Е. П. Батянова. 2010 г.).

Знание этнографами телеутских обычаев, фольклора всегда вызывало радость и одобрение телеутов, укрепляло их доверие к ученым. Об этом пишет в полевом дневнике Данилин: «До ночи шло взаимное ознакомление: меня просили играть на скрипке. Очень удивлялись и радовались, услышав “табыр” и др. телеутские песни, кое-как исполненные мною на память... Вспомнили Анохина, Борисова, Токмашева и других» [СПбФ АРАН 1. Л. 157об., 158об.].

Особый восторг и восхищение телеутского населения вызывали исследователи, которые знали их язык. И неспроста самые добрые воспоминания связаны у телеутов с именем лингвиста Галины Геннадьевны Фисаковой, работавшей среди них в 1960–1970-е гг. Изучая язык телеутов, Фисакова ходила вместе с телеутскими женщинами в поле собирать траву для изготовления щеток, принимала участие в других повседневных занятиях, сельскохозяйственных работах, и, самое главное, она разговаривала с ними на их родном языке.

Как это ни парадоксально, но об этнографических телеутах рассказывают и в связи с нарушениями ими религиозных и традиционных этических норм. В исследовательском азарте мы, этнографы, нередко вторгаемся в области, где многое, согласно традиционному мировоззрению коренных жителей Сибири, является неприкасаемым. Так, до сих пор сохраняются представления, что словесное творчество, как устное, так и письменное, — это особое сакральное действо, и часто этнографы непроизвольно вынуждают людей нарушать традиционные запреты именно в этой сфере. Одно из таких нарушений, приведшее, по мнению телеутов, к трагедии, связывают с именем очень известного и уважаемого этнографа, который попросил телеута Тимофея С. записать тексты погребальных плачей *сыгыт* — уникальных образцов живого фольклора, восходящих к эпохе древних тюрок. Жена Тимофея плакала и говорила, что это добром не кончится. Но он не послушал жену. Далее привожу рассказ его дочери: «Мой папа, Тимофей Иванович, ездил на Алтай и там встречался с Х. дважды... Они переписывались, папа пообещал ему тексты *сыгыта* — плача заупокойного. И он собирал это, в тетрабочки всё записывал и повез к Х. эти тексты... Но получается, что не довел. В Горно-Алтайске остановился у родственников и умер от сердца... Когда приехали за телом отца, эти две тетрабочки обнаружили, и мама знала, что это он вез для Х. Мама собралась их сжечь, потому что видела большую связь между тем, что он вез *сыгыт*, и тем, что он умер, — он вызвал поток слез на себя. Я уговаривала мать, чтобы она не сжигала тетрадки, говорила ей: «Мы не будем к ним прикасаться, не будем читать». Мне удалось их спасти от сожжения, но заглядывать туда мне мать не разрешила. Тетрабочки свернули и отправили Х. Где-то в его архивах они должны быть» (Зап. от

В. Т. С., 1947 г. р., с. Верховская, Беловский р-н, Кемеровская обл. Соб. Е. П. Батьянова. 1985 г.).

В 1989 г. телеуты получили статус самостоятельного народа и впоследствии были включены в группу коренных малочисленных народов Севера. Этому в немалой степени способствовали этнографы. Все же в период перестройки и в первые постсоветские годы взаимоотношения этнографов с коренными жителями Сибири несколько изменились. Напряженность в межнациональных отношениях, возникшая в стране в период распада Советского Союза, получила отражение и в полевой работе этнографов. «Мы теперь сами себя изучать будем», — торжественно сообщила мне в один из моих приездов к телеутам в 1990-е гг. глава местной ассоциации.

Размышления на тему межнациональных отношений не обошли ни один народ бывшего СССР. Вот пример таких размышлений 50-летней телеутки: «Я никогда не буду русской. Потому мы и вымерли, что много приспосабливаться нам пришлось. Одно лицо осталось. Ни языка, ничего» (Беловский р-н, Кемеровская обл.) [ПМА 1992].

Тем не менее доброжелательные, теплые взаимоотношения между телеутами и этнографами продолжали сохраняться даже в те нелегкие для многих людей годы, и любые знаки внимания друг к другу и этнографы, и их телеутские друзья очень ценили и ценят.

Хочется выразить уверенность в том, что полевая этнография Сибири, испытывающая сейчас трудности, связанные с недостатком финансирования и другими проблемами, все же справится с ними и этнографы-сибиреведы во взаимоотношениях с представителями сибирских народов будут по-прежнему опираться на добрые традиции взаимоуважения и взаимодоверия.

Источники и материалы

Архив МАЭ 1 — Архив Музея антропологии и этнографии РАН. Ф. 11 (А. В. Анохина). Оп. 1. Д. 52.

Архив МАЭ 2 — Архив Музея антропологии и этнографии РАН. Ф. 15 (А. Г. Данилина). Оп. 1. Д. 1.

Архив МАЭ 3 — Архив Музея антропологии и этнографии РАН. Ф. 1 (А. Г. Данилина). Оп. 1. Д. 15.

Архив НМРА 1 — Архив Национального музея Республики Алтай. Фонд А. В. Анохина. Д. 15. Письмо Гр. Лепехина А. В. Анохину от 4 февраля 1927 г.

Архив НМРА 2 — Архив Национального музея Республики Алтай. Фонд А. В. Анохина. Д. 15. Письмо Гр. Лепехина от 16 июня 1927 г.

Вербицкий 1893 — *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы: Сб. этнографических статей и исследований алтайского миссионера, про-

тоиерея В. И. Вербицкого / Под ред. А. А. Ивановского. М., 1893.

Ивановский 1895 — *Ивановский С. И.* Записки Бачатского отделения Алтайской миссии священника Сергея Ивановского за 1894–1895 гг. // Православный благовестник. 1895. Т. 2. № 15. С. 317–324.

Из писем 1883 — Из писем алтайского миссионера. Сообщено свящ. А. Шараповым // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 23–24. С. 499–512.

Мендельсон 1986 — *Мендельсон Н. М.* [Сибирский патриот] // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / Сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск, 1986. С. 304–317.

ПМА — Полевые материалы автора.

Радлов 1866 — *Радлов В. В.* Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отд.: Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В. В. Радловым. Ч. I: Поднаречия Алтая:

алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866.

Радлов 1888 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий = Versuch eines Wörterbuches der Türk Dialecte. Т. 1. СПб., 1888.

Радлов 1889 — *Радлов В.* [Рец. на:] Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (Казань). 1889. Т. 3. С. 138–141.

СПбФ АРАН 1 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 102.

СПбФ АРАН 2. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 51.

Исследования

Батьянова, Рюмина 2003 — *Батьянова Е. П., Рюмина Л. Т.* Георгий Маркелович Токмашев: просветитель, этнограф, фольклорист // Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 2003. С. 105–226.

© Е. П. Батьянова, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Батьянова Е. П. <https://orcid.org/0000-0002-9624-061X>

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (499) 243-19-72; e-mail: elena-batyanova@yandex.ru

FROM THE HISTORY OF FIELD ETHNOGRAPHY OF SOUTH-WESTERN SIBERIA: THE TELEUTS AND ETHNOGRAPHERS

ELENA P. BATYANOVA

(N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science: 32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation)

Summary. *The article analyzes the history of relations between ethnographers and the indigenous population of southern Siberia. It traces how these traditions were formed and developed since the 18th century. The decisive impact of the Altai spiritual mission, as well as that of the prominent ethnographers of the 19th — early 20th century (V.I. Verbitsky, V.V. Radlov, G.N. Potanin, A.V. Anokhin), are described. Attention is also paid to the interaction of missionaries and ethnographers and their humanitarian and scientific cooperation in communicating with the indigenous population. Ethnographers' relations with one of the small Turkic peoples of Siberia — the Teleuts — are considered in detail. These relations were always based on mutual respect and mutual trust. During the state anti-religious campaigns of the 1920s and 1930s Teleut shamans and shamanists sought and often found protection and support from ethnographers, although cases of researchers' violation of Teleut sacred traditions are also cited. Attention is paid to the specifics of Siberian field ethnography in the post-Soviet period. In addition to the scholarly literature and archival documents, materials collected by the author during more than 20 field expeditions to the Teleuts and other South Siberian peoples are used in preparation of the article.*

Key words: South Siberia, missionaries, ethnographers, V.I. Verbitsky, G.N. Potanin, A.V. Anokhin, L.P. Potapov, Teleuts.

Acknowledgements. *Research for this article was carried out under the project “Linguistic and ethno-cultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: The interaction of languages and cultures” (Russian Federation Government grant P. 220 No. 14.Y26.31.0014).*

Received: January 20, 2019.

Date of publication: June 25, 2019.

For citation: Batyanova E. P. From the history of field ethnography of South-Western Siberia: The Teleuts and ethnographers. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 123–130. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.010

References

Batyanova E. P., Ryumina L. T. (2003) Georgiy Markelovich Tokmashev: prosvetitel, etnograf, folklorist [Georgiy Markelovich Tokmashev: educator,

ethnographer, folklorist]. In: *Repressirovannyye etnografy [Repressed ethnographers]*. Comp. and ed. by D. D. Tumarkin. Moscow. Pp. 105–226. In Russian. © E. P. Batyanova, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Elena P. Batyanova <https://orcid.org/0000-0002-9624-061X>

E-mail: elena-batyanova@yandex.ru

Tel.: +7 (499) 243-19-72

32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation

PhD in History, Senior Researcher, Department of the North and Siberia, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)